

Сы Юэ стоял рядом с Бай Цзянем. Ответив вежливой улыбкой одному из старших гостей, он тихо произнес:

— Мы же партнеры, не так ли?

В плане умения держать лицо он выкладывался на все сто.

Раз уж он выступил инициатором, то и инициатива должна была оставаться в его руках.

— Так что твои деньги — это мои деньги, — длинные ресницы Сы Юэ отбрасывали красивую изящную тень под глазами; в слишком ярком свете ламп его худощавое лицо казалось немного бледным. — Я прав?

Бай Цзянь взглянул на него и тихо рассмеялся:

— А я-то думал, ты скажешь, что твои деньги — это мои деньги.

— Хочешь забрать? — Сы Юэ приподнял тонкие веки. Казалось, его узкие глаза вобрали в себя все лучи света в этом огромном зале. — Если надо — бери.

«В конце концов, их не так уж и много», — подумал он. По сравнению с капиталом Бай Цзяня его сбережения с большой натяжкой можно было назвать разве что жалкой мелочью на карманные расходы.

Но даже эти крохи, не дотягивающие и до мелочи, он готов был отдать, если бы Бай Цзянь захотел. Лишь бы Бай Цзяню онигодились.

— И тебе не жалко? — в мягком взгляде Бай Цзяня плескалась теплая улыбка.

Сы Юэ на мгновение замялся, но ответил:

— Конечно.

У Бай Цзяня сегодня было много дел. Немного поболтав с Сы Юэ, он извинился — ему нужно было уделить внимание важным гостям.

Все присутствующие были одеты в черное. Их наряды явно подчеркивали высокий социальный статус: несмотря на торжественно-мрачный цвет, детали одежды пестрели индивидуальностью.

Мягкие черные перья на шляпках, изящные, идеально сидящие черные кружевные перчатки, дорогие пояса, инкрустированные драгоценными камнями, — даже таким незаметным мелочам, как запонки, было уделено максимум внимания.

Бай Цзянь вывел Сы Юэ в свет, но не мог постоянно находиться рядом с ним.

Тем не менее, он старался не выпускать юношу из виду.

Сы Юэ опустил голову, перебирая содержимое большой стеклянной вазы на длинном столе. В ней было полно разноцветных стеклянных шариков и совсем мало конфет — смотрелось красиво, но толку никакого.

Он достал телефон из кармана плаща и увидел сообщения от Чжоу Яньяна.

[Чжоу Яньян: Ну как? Бай Цзянь уже влюбился в тебя?]

[Сы Юэ: У тебя с головой проблемы? И дня не прошло, я еще даже не начал излучать свое очарование.]

Чжоу Яньян, похоже, ел и спал в обнимку с телефоном. А еще, вероятно, дело было в том, что он поставил на сообщения Сы Юэ особый рингтон.

Поскольку у Чжоу Яньяна сейчас не было пары, он великодушно подарил свое «особое уведомление» лучшему другу.

[Чжоу Яньян: Деньги — это и есть очарование.]

[Сы Юэ: Думаю, Бай Цзянь недостатком очарования не страдает.]

[Чжоу Яньян: Сделай ему какой-нибудь сюрприз. Тритонам можно подарить столько всего! Уходовое масло для когтей, лак для чешуи и все такое. Мне кажется, им это просто необходимо, иначе чешуя сохнет и теряет блеск.]

Сы Юэ задумался. Он видел хвост Бай Цзяня: чешуйки плотно прилегали друг к другу, мерцая серебристым, искрящимся светом.

[Сы Юэ: Что-нибудь еще? Желательно понормальнее.]

[Чжоу Яньян: Да куча всего! Дома, машины, яхты... Из мелочевки — запонки, броши, парфюм, кожаные сумки, ремни. Пройдись по бутикам, наберешь целую гору.]

[Сы Юэ: Ладно, понял.]

Сы Юэ убрал телефон обратно в карман. Снаружи глухо и протяжно ударил колокол. Эхо прокатилось от ближних дворов к дальним. Всего прозвучало три удара.

Бай Цзянь прошел сквозь толпу и направился к Сы Юэ.

Юноша выпрямился.

Бай Цзянь протянул ему белую розу, случайно едва ощутимо мазнув подушечкой мизинца по ладони Сы Юэ:

— Побудь со мной.

Сы Юэ посмотрел на мужчину. Со стебля розы в его руке были тщательно срезаны все шипы, чтобы не уколоть пальцы, а белоснежные лепестки выглядели плотными и бархатистыми. Он сам потянулся и взял Бай Цзяня за руку:

— Вот так?

Бай Цзянь улыбнулся и переплел их пальцы:

— Да, вот так.

Это был первый раз, когда господин Бай Цзянь появился на официальном мероприятии со своим партнером. Да, это были похороны, но похороны госпожи Бай Ити, а не кого-то постороннего.

Поначалу, когда господин Бай Цзянь так открыто заявил о своих отношениях, большинство решило, что это просто договорной брак. Но, поразмыслив над происхождением Сы Юэ, они пришли к выводу, что политический союз... звучит как-то маловероятно.

Если бы это был брак по расчету, фикция, то господин Бай Цзянь наверняка начал бы таскать своего партнера по всем мыслимым формальным и неформальным приемам. Но вопреки ожиданиям, выяснилось, что избранник господина Бай Цзяня просто каждый день ходит на учебу и обратно, особо нигде не отсвечивая.

Так что для Сы Юэ это был полноценный дебют в роли спутника Бай Цзяня.

До этого дня многие в кулуарах шептались, что Сы Юэ — наверняка какой-то дерзкий на вид, но искусный в постельных делах порочный искуситель. Однако то, что они увидели сегодня, в очередной раз сломало все их шаблоны.

Манеры и воспитание Сы Юэ оказались безупречны. Он не лебезил перед господином Бай Цзянем, не пытался ему отчаянно угодить, а на приветствия остальных гостей отвечал вежливо, с идеальным чувством такта.

Бай Цзянь произносил речь со сцены.

Ему пришлось слегка наклониться к зафиксированному на стойке микрофону. Его голос звучал глубоко и мягко, темп речи был размеренным. Он спокойно рассказывал о жизни госпожи Бай Ити, о том, что приносило ей самую большую радость, и передавал ее добрые пожелания каждому из присутствующих друзей и родственников, оставленные в завещании.

На заднем фоне проецировалась ее черно-белая фотография времен молодости: длинные темные волосы убраны на затылке в изящный пучок, белая блузка с кружевным воротником-стойкой, нежная, трогательная улыбка.

— ...Смерть госпожи Бай Ити — это возвращение рек в море, возвращение капли на родину. Пожелаем же ей доброго пути.

Колокол за окном медленно и тяжело пробил три раза.

Сы Юэ опустил голову.

Он впервые так близко столкнулся со смертью кого-то из окружения. Похороны тритонов мало чем отличались от человеческих: их родные и друзья тоже плакали навзрыд, тоже теряли самообладание.

На душе стало тяжело и душно. Он почти не знал Бай Ити, но вдруг поймал себя на мысли: «А если бы умер Бай Цзянь? Я бы точно рыдал сильнее, чем Бай Шэн».

Но эту мысль Сы Юэ задавил в зародыше, не дав ей развиваться.

Раньше умрет только он сам. Доживи он хоть до восьмидесяти, хоть до ста, хоть до двухсот, хоть до тысячи лет — он все равно не переживет Бай Цзяня.

Осознав это, Сы Юэ внезапно растерялся: благословение это или проклятие?

Впрочем, важно лишь настоящее. Какая разница, что будет в будущем?

Гости постепенно расходились. Бай Лу потерял сознание от слез и невыносимой боли в хвосте — он так расчесал его своими когтями, что пошла кровь. Бай Юанье, предупредив Бай Цзяня, подхватил брата на руки и уехал домой раньше времени.

Бай Цзянь поднялся наверх, чтобы огласить завещание Бай Ити. Сы Юэ думал, что это займет много времени, ведь второй и третий дяди семьи Бай были теми еще фруктами, с которыми не так-то просто сладить. Но, к его удивлению, Бай Цзянь спустился обратно меньше чем через десять минут. Следом за ним плелись мрачнее тучи оба дяди.

«...»

— Кажется, они не в духе, — Сы Юэ заметил, как второй дядя выдавил из себя в его сторону совершенно жуткую улыбку. Видимо, под давлением авторитета Бай Цзяня дяде приходилось изображать уважение и к нему.

Бай Цзянь приобнял Сы Юэ за плечи и повел к выходу, тихо шепнув на ухо:

— Наследство разделили не так, как они себе нафантазировали. Естественно, они злятся.

Сы Юэ спрятал руки в карманы плаща:

— А почему ты так быстро спустился? Разделили все за десять минут?

— Я решил, как со всем этим разобраться, еще находясь дома, — усмехнулся Бай Цзянь. — Сегодня я просто огласил результат.

Второй дядя Бай проводил их до машины. Его лицо почернело так, что, казалось, с него вот-вот закапают чернила.

— Господин Бай Цзянь, вы сегодня так потрудились, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Бай Цзянь обычно пропускал подобные выпады мимо ушей, ограничиваясь вежливой улыбкой.

Дверь машины уже закрылась, но Сы Юэ опустил стекло и, изогнув бровь, посмотрел на еще не успевшего отойти родственника:

— Дядя, ну улыбнитесь же! Скажите: «Сы-ы-ыр!»

Второй дядя: «...»

Стекло медленно поползло вверх.

Только тогда Сы Юэ повернулся к Бай Цзяню с вопросом:

— И как ты все поделил? Чего он так взбеленился?

— Он просто недоволен тем, почему я уравнивал их доли с долей Бай Шэн, — Бай Цзянь снял очки и вздохнул, хотя на его лице не читалось ни капли беспомощности. — Бай Шэн родилась поздно. К тому моменту ее старшие братья уже давно объединились в единый фронт, став не разлей вода, словно близнецы. К появлению младшей сестры они отнеслись крайне враждебно. Если бы я не вмешался, они, скорее всего, просто вышвырнули бы Бай Шэн на улицу.

Сы Юэ нахмурился, почувствовав острое отвращение:

— Но она же их родная сестра?

— Да, — Бай Цзянь слабо, иронично улыбнулся. — Тритоны любят собираться в стаи, но делают это исключительно ради выгоды, а не из-за глубоких чувств. Вопреки тому, что ты, А-Юэ, мог думать, тритоны крайне холодны в эмоциональном плане.

— Они преданы только своим партнерам. Впрочем, сменяются поколения, и теперь многие тритоны даже к партнерам не хранят верности.

— Вы, люди, другие. Вы горите ярко, как солнце. Даже спустя тысячи лет ваши чувства способны выдержать любую огранку и шлифовку, — тихо произнес Бай Цзянь. Он повернул голову, посмотрел на Сы Юэ и улыбнулся: — А-Юэ, знаешь ли ты? Животные, лишённые эмоций, обречены на вымирание.

Сы Юэ приоткрыл рот, но не смог издать ни звука.

— Значит, я — солнце? — сухо и как-то неловко переспросил он.

«...»

Бай Цзянь снова надел очки и, не удержавшись, погладил Сы Юэ по щеке:

— Да, ты — мое солнце.

Едва выскочив из машины, Сы Юэ тут же бросился проведать Бай Лу.

Бай Лу находился на первом этаже, в зоне отдыха. Там стоял длинный стол, на котором обычно красовались две золотые вазы с цветами, меняющимися каждые три дня. Сейчас все предметы со стола были убраны. Бай Лу был распластан по поверхности, прижат специальными креплениями, выдвинутыми снизу. Его запястья были вывернуты так, что он не мог пошевелить и пальцем.

Даже шею стягивал фиксирующий ремень.

Его длинные фиолетовые волосы свисали со стола до самого пола, оставляя влажные следы на паркете.

Хвостовой плавник маленького тритона бессильно и рвано шлепал по столешнице. Жабры судорожно открывались и закрывались.

Врач обрабатывал раны на его хвосте — чешую Бай Лу содрал собственными когтями.

Когти на перепончатых лапах тритонов очень острые. Мясо было вывернуто наружу, кровь смешалась с осколками фиолетовой чешуи. Врач в медицинской маске осторожно поливал поврежденные участки спиртом.

Спирт вызвал сильнейшее жжение. Бай Лу тут же завыл от дикой боли, на его шее вздулись вены.

Бай Юанье, с покрасневшими глазами, попросил:

— Пожалуйста, полегче. Спасибо.

— Второй брат... Второй брат, — слезы катились из глаз Бай Лу крупными горошинами, клыки прокусили губу в кровь. — Как же больно...

Именно эту сцену застал вбежавший Сы Юэ. Бай Лу тоже заметил его.

В его фиолетовых глазах промелькнула искра света.

— А-Юэ, ты вернулся?

В представлении Сы Юэ, сформированном СМИ и рассказами друзей, физиология тритонов превосходила человеческую в разы. Они почти не получали травм, редко болели, казались совершенными, лишенными изъянов существами, не ведающими боли.

Сейчас Сы Юэ впервые видел тритона, демонстрирующего увечья: изувеченный хрупкий хвост, тело, находящееся на грани срыва, полный муки и отчаяния взгляд.

Казалось, Бай Лу воплощал в себе единственную уязвимость и брешь всей расы тритонов — если хвост тритона имеет дефекты, вся его жизнь превращается в непрекращающуюся пытку.

Из-за этого Бай Лу не мог контролировать появление своего хвоста, а когда хвост выходил из-под контроля, он терял власть и над эмоциями. Поэтому слово «сумасшествие» вполне подходило для описания его состояния в такие моменты.

В воздухе пахло соленой, терпкой морской водой, исходящей от тритона, и кровью — запах был немного не такой, как у человеческой, но все равно безошибочно узнаваемый.

Мучения продлились до глубокой ночи, после чего Бай Юанье наконец перенес Бай Лу в воду. В аквариум добавили лекарства, чтобы облегчить боль в ранах и успокоить расшатанную нервную систему маленького тритона.

Бай Лу распластался по стеклу аквариума, его волосы спутались в колтуны:

— Я сейчас умру от боли.

Сы Юэ встал на табуретку и сунул ему в рот конфету:

— А сейчас?

Бай Лу широко открыл рот:

— Давай еще одну.

Разгрызши несколько леденцов, он вдруг сказал:

— А-Юэ, сейчас ты меня жалеешь, но придет время, и я тоже буду жалеть тебя.

Сы Юэ опешил:

— В смысле?

— Когда придет время и ты начнешь трансформироваться в тритона, тебе будет в сто раз больнее, чем мне сейчас.

Сы Юэ закинул ему в рот еще две конфеты:

— Кто тебе сказал, что я буду превращаться в тритона?

— Если А-Юэ станет тритоном, мы будем одного вида. Разве это не здорово? Я хочу вместе с тобой сплавать в Марианскую впадину... ой, то есть в Лост-Тренч.

— Желоб Лост — самая глубокая из известных впадин. Что нам там делать?

Бай Лу звонко хрустел конфетами:

— Говорят, именно там родился самый первый тритон. Я хочу посмотреть.

Сы Юэ ответил с каменным лицом:

— В учебниках сказано, что тритоны эволюционировали из рыб, а не вылупились из океанского разлома.

— Да? Правда? — Бай Лу жалобно захлопал ресницами. — А-Юэ, кажется, из-за проблем с хвостом у меня страдает память. Мне приходится каждый день перечитывать кучу вещей, чтобы не забыть.

На лице Сы Юэ отразилась сложная гамма эмоций.

— А-Юэ, а вдруг в один прекрасный день я забуду собственное имя...

— Этого не случится, Бай Лу, — Сы Юэ протянул руку и погладил его мокрые волосы. — Я буду очень стараться в учебе. Вот стану исследователем — и обязательно вылечу твою болезнь.

Бай Лу вяло вильнул хвостом и расплылся в широченной, обнажающей все зубы улыбке:

— Хорошо, я буду ждать.

Сы Юэ еще никогда не испытывал такой сильной мотивации учиться. Даже в тот год, когда он зубрил ради вступительных экзаменов, у него не было столь отчаянного желания добиться успеха.

Бай Лу потратил слишком много сил, поэтому, немного поболтав, быстро начал клевать носом.

Сы Юэ тихонько спрыгнул с табуретки и прошел в гостиную.

Бай Цзянь проводил видеоконференцию. Заметив вошедшего Сы Юэ, он жестом показал, что совещание приостановлено, оставив несколько человек по ту сторону экрана недоуменно моргать.

— Что случилось? — тихо спросил Бай Цзянь.

Сы Юэ прошептал в ответ:

— Ты работаешь? Тогда я зайду попозже.

Он уже собрался развернуться и уйти.

— Я не занят. Что-то стряслось? — остановил его Бай Цзянь.

Люди по ту сторону экрана: «...»

Сы Юэ немного помялся, а затем спросил:

— Хвост Бай Лу... его можно вылечить?

Бай Цзянь долго смотрел на него глубоким, непроницаемым взглядом, а затем со вздохом произнес:

— С сожалением вынужден ответить: нет.

Увидев, как мгновенно потух свет в глазах Сы Юэ, Бай Цзянь почувствовал укол жалости.

Но он никогда не считал, что ложь во спасение перестает быть ложью. Он не станет обманывать А-Юэ даже из самых лучших побуждений.

— И у тритонов, и у людей есть риск врожденных заболеваний. Однако у людей существует вероятность их излечения, в то время как врожденные патологии тритонов неизлечимы, — медленно проговорил Бай Цзянь. — Все, что мы можем сделать, — это попытаться облегчить страдания Бай Лу и максимально продлить ему жизнь.

— Но ведь он мучается прямо сейчас, — возразил Сы Юэ.

Бай Цзянь:

— А-Юэ, Бай Лу вообще не должен был дожить до сегодняшнего дня.

Сы Юэ резко замолчал.

— Природа не позволяет ни одному биологическому виду получать все мыслимые преимущества. Слабости тритонов зачастую фатальны.

Хотя тон Бай Цзяня был мягким и они вроде бы обсуждали проблему Бай Лу, Сы Юэ, глядя на мужчину, не мог отделаться от ощущения, что все эти слова адресованы лично ему.

Сы Юэ ненавидел, когда им пытались манипулировать разговорами о «судьбе» и «неизбежности».

— Я не верю в это, — тихо отрезал он, закрыл за собой дверь и ушел.

Бай Цзянь еще долго смотрел на закрытую дверь, прежде чем его взгляд вернулся к монитору компьютера:

— Продолжаем.

После окончания совещания Цзян Юй доложил:

— Сы Сянчэнь уже отправлен за границу. Изначально наши люди предполагали, что он заподозрит неладное и будет рваться обратно. Но, к нашему удивлению, он отлично там устроился и полон энтузиазма.

Закончив фразу, Цзян Юй сделал лицо, полное немого недоумения. Видимо, они переоценили Сы Сянчэня. В глазах этого парня, судя по всему, существовала только карьера, а желание насолить Сы Юэ стояло где-то на десятом месте.

— Кроме того, мы выяснили цель его контактов с «Исследовательским институтом 35», — Цзян Юй сделал паузу на пару секунд. — Он заказал у них разработку препарата, ускоряющего выпадение волос. Видимо, планирует применить его на ком-то. Мы с Цзян Юнем полагаем, что препарат предназначается для молодого господина Сы Юэ.

«...»

— А тот проект Фань Си, в который он вложил деньги, — это тот же самый проект, в который инвестировал друг молодого господина Сы Юэ, Цзян Ши, — Цзян Юй перелистнул страницы в папке. — В настоящее время мы не считаем этот эксперимент жизнеспособным. Их инвестиции, скорее всего, вылетят в трубу.

Бай Цзянь несколько раз легко стукнул по столу пальцем с надетым кольцом:

— Предупреди друга А-Юэ. А вот Сы Сянчэню ничего говорить не надо.

Цзян Юй:

— Вас понял.

— И еще. Звонил молодой господин Юань. Просил поторопить Второй институт с исследованиями. Сказал, что у малыша Бай Лу снова приступ, — Цзян Юй тяжело вздохнул. — Во Втором институте тоже ломают голову. Врожденные заболевания тритонов невероятно сложно поддаются лечению.

Бай Цзянь долго ничего не отвечал.

Цзян Юй терпеливо ждал.

Спустя некоторое время Бай Цзянь опустил глаза и тихо спросил:

— Цзян Юнь уже получил письмо от Бай Шэн?

Цзян Юй опешил:

— Да, час назад.

Ответив, он не удержался от вопроса:

— А как к этому относится молодой господин Сы Юэ? На самом деле, превратиться в тритона — не так уж плохо, просто сам процесс немного болезненный.

— Я буду уважать любой его выбор, — Бай Цзянь подготовит для Сы Юэ все возможные варианты, но какое бы решение тот ни принял, это будет его личная свобода, и Бай Цзянь

примет ее.

Цзян Юй пробормотал:

— Но ведь это совершенно несправедливо по отношению к вам. Если он действительно вас любит, что ему стоит стать тритоном ради вас?

Бай Цзянь усмехнулся:

— Цзян Юй, ни в одних отношениях в мире не бывает так, чтобы кто-то был кому-то обязан по умолчанию.

— Но как же тогда быть вам?

— Я считаю, что сама встреча с ним — это уже невероятная удача и самое прекрасное событие в моей жизни.

Цзян Юй не слишком понимал образ мыслей старого тритона. Сам он никогда не влюблялся — ни в тритонов, ни в людей. Рядом с ним всегда был только Цзян Юнь, и никто никогда не признавался ему в любви.

Просидев за материалами всю ночь, Сы Юэ наконец захлопнул тяжелый том. Он твердо решил стать человеком, который перепишет историю медицины тритонов.

Хотя бы ради Бай Лу он должен усердно учиться.

Но сегодня он хотел сперва съездить и купить Бай Цзяню подарок. Что-нибудь парное. Чтобы сделать Бай Цзяню прозрачный намек.

Спустившись вниз, Сы Юэ увидел, что воду в аквариуме Бай Лу уже поменяли, запах лекарств выветрился. Теперь, помимо самого Бай Лу, аквариум был под завязку набит самыми разнообразными медузами.

Лицо Бай Лу светилось таким блаженством, словно он вот-вот вознесется на небеса. Он заглатывал медуз одну за другой.

«...»

— Как твой хвост? — Сы Юэ подошел и постучал по стеклу.

Услышав его голос, Бай Лу тут же перевернулся, выплюнул недоеденную медузу и помахал хвостом перед лицом Сы Юэ:

— Намного лучше! У наших хвостов отличная регенерация. Но вчера ночью я думал, что сдохну от боли.

Сы Юэ выдохнул с облегчением. Хотя он не умел читать эмоции животных, по тому, как хаотично и панически носились по аквариуму медузы, врезаясь в стенки, было нетрудно догадаться: они в ужасе осознавали, кто станет следующим обедом Бай Лу.

— Ты сам их всех наловил?

— Это второй брат поймал, — довольно отозвался Бай Лу. — Чтобы меня утешить, он нырял за ними до глубокой ночи. Во дворе стоят еще несколько чанов. Мне их хватит на несколько дней, буду лопать перед телевизором.

Сы Юэ переобулся и вышел за дверь. Во дворе действительно ровными рядами стояли семь или восемь стеклянных резервуаров, полных медуз одинакового размера — явно просеянных и отобранных.

Он посмотрел на морскую гладь вдалеке.

Должно быть, морские обитатели пережили минувшей ночью настоящий хаос.

Поскольку он уже обулся, возвращаться в гостиную не хотелось.

Сы Юэ лишь просунул голову в дверной проем:

— Бай Лу, дядя Чэнь, я выскочу по делам. Надо кое-что купить.

Дядя Чэнь отозвался:

— Хорошо.

Бай Лу тоже пискнул:

— Хорошо! А-Юэ, привези мне те засахаренные фрукты на палочке, как в прошлый раз!

Дождь прекратился, на улице гулял ветер, пахнувший свежей травой и легким морским бризом.

Особняк семьи Бай располагался в уединенном месте. Въехав в центр города, Сы Юэ вдруг осознал, что целую вечность никуда не выбирался.

Припарковавшись на подземной стоянке торгового центра, он заблокировал машину и набрал номер Чжоу Яньяна.

В этот раз Чжоу Янъян взял трубку далеко не сразу. Сы Юэ не успел сказать и слова, как тот прошипел в трубку:

— Я НА ПАРЕ!!!

— На паре? — улыбка застыла на губах Сы Юэ. Он убрал телефон от уха и посмотрел на экран. Четверг...

А его сегодня никто не отпросил.

Он совсем забыл.

Через динамик Чжоу Янъян услышал, как автоматический голос на входе в бутик произносит по-английски «Добро пожаловать», и неверяще спросил:

— Ты опять прогуливаешь?!

Сы Юэ натянул вымученную улыбку:

— Я забыл.

«...»

— Как закончится пара, дуй в Dvniel. Я буду ждать тебя здесь. Поможешь мне выбрать подарок.

Чжоу Янъян глянул на часы:

— Ладно, у меня все равно потом нет занятий.

Сбросив вызов, Сы Юэ тут же открыл контакт куратора курса. Но перед тем как нажать кнопку вызова, он засомневался, отменил действие и нашел номер Бай Цзяня.

Такие вопросы, очевидно, лучше решать через него.

Сы Юэ уже собрался звонить, как вдруг телефон в его руке зазвонил сам. Он от неожиданности едва не выронил аппарат.

— Алло? — голос Сы Юэ звучал немного виновато.

— Дядя Чэнь сказал, что ты уехал за покупками, — на фоне раздался шелест перелистываемых бумаг. Тон Бай Цзяня не предвещал выговора. — У тебя же сегодня занятия. Это настолько важная вещь, что нужно было ехать за ней лично?

— Ага, — «еще бы не лично», подумал Сы Юэ, но вслух ответил уклончиво: — Покупаю кое-что очень важное.

Бай Цзянь не стал допытываться и лишь усмехнулся с безграничной снисходительностью:

— Тогда я предупрежу твоего преподавателя.

Сы Юэ тут же с радостью согласился — он ведь именно об этом и хотел попросить.

— Супер, спасибо.

— Но у меня есть одно условие.

Сы Юэ: «...»

— Слушаю.

Бай Цзянь размашисто расписался на документе, передал его Цзян Юю и спокойно произнес:

— Твои результаты на итоговых экзаменах должны войти в топ двадцати процентов лучших на курсе.

Сы Юэ нахмурился. Войти в топ-20 — не так уж сложно. Но ведь и конь о четырех ногах спотыкается, поэтому ему хотелось оставить себе чуть больше пространства для маневра на случай провала.

— Бай Цзянь, а я могу дать тебе взятку?

Бай Цзянь, казалось, задумался на мгновение, а затем ответил:

— Можешь. И чем же ты хочешь меня подкупить?

Сы Юэ впал в ступор.

Он не мог сказать «самим собой» — это было бы верхом бесстыдства.

Но если подумать, Бай Цзяню вряд ли чего-то не хватало в этой жизни. Сы Юэ осторожно прощупал почву:

— Я подарю тебе подарок. Идет?

«Все равно ведь собирался дарить. Считай, вообще ничего не теряю».

Бай Цзянь снова замолчал.

Сы Юэ стало не по себе от волнения.

Наконец, спустя долгую паузу, Бай Цзянь произнес с еле заметной улыбкой в голосе:

— Топ тридцать процентов.

Сы Юэ опешил. С Бай Цзянем было слишком легко договориться.

<http://bllate.org/book/14657/1301519>